

Юлия Монакова

Шишли-мышли

НЕРАВНЫЙ БРАК, или ШИШЛИ-МЫШЛИ

— ...Ты замужем? — спросила эта самая тётка. Даша вздохнула (не потому, что вопрос являлся для неё болезненным, просто ей было невыразимо скучно) и ответила, что нет.

— А парень есть? — доверительно подмигивала Даше навязчивая особа, всем своим видом демонстрируя, что уж кому-кому, а ей-то, такой душевной тётушке, можно и открыться. Пришлось признаться, что и парня у неё не имеется.

— Вот и у меня тоже личная судьба не сложилась... — навалившись грудью на стол и придвигая к себе салатницу, поделилась тётка. Положив на тарелку изрядную порцию селёдки под шубой, она принялась жевать, одновременно рассказывая Даше историю своей жизни. Она ежесекундно заглядывала Даше в глаза и периодически дёргала за рукав, призывая к вниманию, так что даже нельзя было отвернуться и пропустить весь этот бред мимо ушей.

— ...А в молодости мы с подружками гадали на суженого-ряженого. Вот раз в Крещенский вечер

пришли в хлев к овцам... А они от нас в разные стороны разбега-а-аются! Там темно, и надо овцу ухватить за шерсть, клочок выдернуть...

— Зачем? — с искренним недоумением спросила Даша, никогда не гадавшая на суженого и не видевшая за всю свою двадцатитрёхлетнюю жизнь вблизи ни одной овцы. Тётка, в свою очередь, с искренним недоумением выкатила на неё глаза.

— Как это — «зачем»? Какого цвета клок вырвешь — такой и муж у тебя будет. Ну, там — брюнет, блондин, рыжий... и вот представляешь — чё?

— Что? — вежливо поинтересовалась Даша, хотя ей это было глубоко безразлично.

— Ведь точно так и вышло! Знаешь, за чё я ухватилась? За овечьи сопли! — заключила тётка торжествующим тоном и утёрла майонезные губы пятернёй. — Считалочка такая в детстве была, «шишли-мышли, сопли вышли»... Не слыхала? Вот и фиг мне с маслом, а не жених.

Даша на всякий случай сделала сочувствующее лицо, но собеседница гордо отвергла соболезнования:

— А щас думаю — и слава богу... Всю жизнь одна прожила, зато сама себе хозяйка.

— Конечно, — поддержала Даша старую деву с иронией и процитировала знаменитую строчку из

фильма «Девчата»:

— Одной ведь лучше, верно? Хочу — халву ем, хочу — пряники...

— Точно! — тётка не поняла юмора и подняла указательный палец вверх, явно намереваясь развить тему преимуществ одинокого образа жизни. Даша вдруг поняла, что смертельно устала и сил её больше нет слушать всю эту дребедень.

— Извините, мне нужно отлучиться... — пробормотала она, решительно вставая из-за стола, проклиная в сердцах и саму эту дурацкую свадьбу в целом, и её организацию в частности.

— Туалет прямо по коридору и налево! — услужливо-громогласно подсказала тётка. Как назло, именно в это мгновение стихла музыка, и толпа гостей, до того самозабвенно отплясывающая под Сердючку, как раз дружной вереницей потянулась к столам, чтобы подкрепиться. Так что слова тётушки прозвучали в полной тишине зала, и все приглашённые с интересом уставились на Дашу, заставив её смущенно покраснеть и выругаться про себя.

Однозначно, эта свадьба была идиотской затеей с самого начала. Даше вообще не стоило приходить сюда. Даже ради Олега, который восседал сейчас на месте жениха во главе стола и, судя по всему, сам маялся от неловкости за свою

так явно беременную невесту в её жутком платье (с кринолином, рюшами, длиннющей фатой — в общем, полный комплект, в котором новобрачная напоминала свадебный торт) и за её таких до ужаса провинциальных родственников. Больше всего Дашу раздражал один не сильно юный парниша с барсеткой на длинном ремешке через пузо — настоящее быдло. Она специально наблюдала за ним с самого ЗАГСа. За эти часы он не сказал никому ни слова; в ресторане даже не танцевал, а сидел весь вечер, навалившись на стол, с тупым лицом, не улыбался, не смеялся, не слушал, что говорят гости и тамада, только жрал — хорошо хоть, не пил. А ещё фотографировал девушек на свой мобильный телефон. Вот просто молча сидел и фоткал каждую девушку без исключения. Даша даже подумала, что он, должно быть, немой, но в этот самый момент как раз принесли свадебный торт (тот самый, на который была похожа невеста) и, когда официанты раздавали всем по кусочку, парниша потянулся своей клешнёй к блюду и громко, хоть и без эмоций, сказал:

— Давай сюда, — причем «сюда» он произнес как «суда», и снова прочно замолчал, ни «спасибо», ни «пожалуйста». От этого «суда» Дашу прямо-таки передёрнуло.

«Что я здесь вообще делаю, ради чего страдаю? — разозлилась она. — Олегу, собственно,

на меня плевать, и если я сейчас незаметно улизну, никто этого даже не заметит...»

Она выскочила в фойе, полная решимости убраться восвояси немедленно. Торопливо достала номерок, получила в гардеробе пальто. Мельком взглянула в зеркало, провела ладошкой по разлохматившейся рыжей шевелюре — расчёсываться или уж не стоит?..

Но уже у дверей её настиг знакомый голос:

— Дашка, ты куда это собралась?

Она заметалась, как вор, пойманный с поличным. Не успела, не успела!..

Жених собственной персоной — точнее, уже не жених, а вполне себе муж, будущий отец семейства — спускался к ней по лестнице и глядел укоризненно.

— Бросить меня хотела? — спросил он. — Не жалко?

— Я, это... подышать свежим воздухом, — струсив, соврала Даша. Олег посмеивался и недоверчиво качал головой. Он был слегка пьян, но как всегда неотразим. Даша отвела взгляд, чтобы не поддаться его беспощадному обаянию в очередной раз, потому что... потому что, чёрт возьми, это была его свадьба!

— Подышать, говоришь, хотела... — задумчиво повторил Олег. — Ну, пойдём вместе... подышим.

Поняв, что незаметно сбежать ей всё равно уже не удастся, Даша скорбно вздохнула и вышла в услужливо приотворённую перед нею дверь.

— Ну, и как тебе — всё это?.. — невесело усмехнувшись, поинтересовался Олег, привалившись спиной к стволу дерева и закуривая сигарету. — Весь этот балаган...

— Что ты спрашиваешь, — отозвалась Даша, решив быть с ним откровенной. — Ты же и сам всё прекрасно видишь. Не пойму только одного — зачем весь этот, как ты изволил выразиться, балаган, нужен тебе самому. Зачем вообще нужна эта глупая свадьба. Зачем нужно было приглашать меня, я здесь, по-моему, единственная гостья со стороны жениха, не считая свидетеля...

— Так сложились обстоятельства, — осторожно подбирая слова, сказал он.

— Да брось! — разозлилась Даша. — Какие обстоятельства! Ты вовсе не обязан был на ней жениться! Ну подумаешь, ну залетела девочка... с кем не бывает. Но вовсе не следовало непременно играть свадьбу! Это же самый настоящий мезальянс, Олечка, неужели ты не понимаешь?! Как порядочный человек, ты мог бы просто обеспечить своего ребёнка, но не связывать себя по рукам и ногам этим браком...

— Нет, — жёстко перебил Олег; глаза его стали колючими и злыми. — Именно как

порядочный человек, я должен был это сделать. Я не хочу, чтобы ребёнок повторил мою судьбу. Не хочу, чтобы с самого рождения он знал, что бывают брошенки-матери и подлецы-отцы. Я хочу, чтобы у него была полноценная семья.

— Полноценная... — горько выдохнула Даша. — Ты уверен, что сможешь быть... этой особе хорошим мужем?

Олег прямо взглянул ей в глаза:

— Я постараюсь, Даш. Видит бог, я постараюсь. Лена — она ведь неплохая, в сущности. Ты просто её не знаешь...

Даша недоверчиво покачала головой.

— Неплохая... Дело не в этом. Просто она и все её близкие — люди не твоего круга.

— Не повторяй чужих пошлостей, — Олег скривился. — Твой круг, мой круг... Социальные сети, дикость какая-то. Ты не моего круга, и вообще рылом не вышел, дай-ка я тебя за это тресну по башке...

— Ты-то не треснешь, — с убеждением сказала Даша. — А вот кто-нибудь из родственников твоей жены — запросто. Это в их духе, — она вспомнила типа с барсеткой и его тупым «дай суда», и её снова передернуло.

— Ох уж этот твой столичный снобизм! — он покачал головой. — Не преувеличивай. Нормальные они люди. Где-то даже

интеллигентные. Не все, но... Ленка, между прочим, сама в МГУ поступила.

— Ага, наверное, родня корову зарезала и презентовала заведующему кафедрой, — хмыкнула Даша.

— Ох, и злюка ты, Куприянова. Ты же ей и двух слов не сказала, что ты судишь по внешности? — Олег укоризненно покачал головой, бросая сигарету в урну и поёживаясь. — Чёрт, холодно... Пойдём внутрь, Даш. И, честное слово... Постарайся проще ко всему относиться. Расслабься и попробуй получить удовольствие от процесса. Всё-таки, на свадьбе моей гуляешь! — он дружески приобнял её за плечи и повел обратно в ресторан. Даша молчала, борясь с собой. Искушение прижаться плотнее к этому сильному, крепкому телу было слишком велико. Вдохнуть его запах... Уткнуться носом в шею... Зарыться пальцами в густые чёрные волосы... Нет, нельзя. Табу. Он теперь женатый. Да и раньше-то не посмела бы. Не поймёт. Она — Дашка, сорвиголова... Жилетка, в которую можно поплакаться. Друг, с которым можно выпить пивка и сходить на футбол. Даже обсудить своих подружек. Нет, не поймёт. А если признается — потеряет всё. Ей же хватит и крох — пусть хоть изредка видеть его, знать, что он есть, как бы банально это ни звучало...

— Ты иди, Олежек. Я сейчас, — она

вынырнула из-под его плеча. — Мне в туалет надо.

Олег расхохотался.

— Вот за что я тебя обожаю, Даш — нет в тебе глупого бабского жеманства! В туалет — так в туалет, всегда называешь вещи своими именами, а не, к примеру, «попудрить носик».

— Ну да, я же «свой парень», — хмыкнула Даша невесело. Олег, похоже, даже сам не понял, насколько сомнителен его комплимент и как больно он может ранить...

Закончив все свои туалетные дела и попудрив-таки носик, Даша совсем было собралась возвращаться в зал, как вдруг услышала какую-то возню поблизости и странное поскуливание. Она удивилась, поскольку думала, что находится здесь совершенно одна. Впрочем, скулёж этот напоминал щенячий, а уж никак не человеческий. «Пёсик какой, что ли, забрёл в ресторан по ошибке, а его нечаянно в туалете заперли?» — посмеиваясь, подумала Даша и прислушалась внимательнее. Поскуливание повторилось — шло оно из кабинки слева. Уверившись в том, что обнаружит за дверью милую собачку, Даша решительно потянула за ручку двери, но та не поддавалась, оказавшись запертой изнутри. Однако... Щенок, закрывшийся в туалете — это было уже чересчур даже для очень богатого воображения. Может, там плачет ребёнок?

Нечаянно защёлкнул задвижку и теперь не может выйти? Даша не заметила на свадьбе детей, но мало ли... Она легонько стукнула в дверь.

— Эй, кто здесь?

Поскуливание на мгновение стихло, но вскоре вновь прорвалось наружу сдавленным писком. Уже не на шутку обеспокоенная, Даша посильнее тряхнула дверь:

— Откройте, может, помощь нужна?

После полуминутной заминки задвижка клацнула. Даша рванула дверь и устоялась на фигуру, сиротливо скрючившуюся на унитазе, не сразу признав в ней Лену — невесту, то есть уже жену, Олега. Собственно, узнать её было практически невозможно, ибо тушь потекла, лицо опухло, а помада была размазана, но белое пышное платье, загромоздившее собою всю не слишком просторную кабинку, не оставляло никаких сомнений.

В первую секунду Даша подумала, что свежеиспечённая жёнушка банально напилась, но тут же вспомнила, что та вроде как в положении, уже на восьмом месяце, ей нельзя.

— Что случилось, Лена? У вас всё в порядке? — спросила она, наклонившись к перекошенной несчастной физиономии. Мелькнула было жалкая трусливая мыслишка, что Лена каким-то образом подслушала их с Олегом разговор

и теперь в курсе нелестного мнения Даши о своей персоне, но... так плакать из-за этого и вообще — убиваться? Бред, бред!..

Лена несколько раз прерывисто вздохнула, борясь с подступающим к горлу спазмом, но вдруг истерично разрыдалась, пряча лицо в кружевных оборках своего праздничного платья.

— Что с вами? Ну, чего ты? — сбиваясь с «вы» на «ты» и наоборот, залепетала Даша, потрясённая этой сценой.

— У меня... кровотечение... — прошептала Лена еле слышно, обращая к Даше залитое слезами лицо.

— Из носа? — самым глупейшим образом спросила та, но в то же мгновение прикусила язык, сообразив, какое именно кровотечение имеется в виду, а Лена разразилась новыми рыданиями.

— И давно оно у тебя? Сильное? Боли есть? — деловито спросила Даша, сама удивляясь своему нарочито спокойному тону, хотя на самом деле сердце её забило о грудную клетку, как пойманный в капкан зверёк.

Лена, всхлипывая, приподняла подол платья — он весь был алого цвета. Напускное спокойствие слетело в момент — Даша инстинктивно охнула.

— Кровь только что пошла, минут двадцать как, а побаливало с самого утра... — призналась Лена.

— И ты никому ничего не сказала? Почему?

— Так ведь... свадьба же... приглашения, гости...

— Ну и ду-у-ура, — выдохнула Даша беззлобно. — О гостях подумала, а о ребёнке нет? Об Олеге, в конце концов?! Нужно бежать, срочно сообщить ему!

Лена так стиснула её руку, что Даша вскрикнула от боли.

— Не надо Олегу!.. Я не хочу, чтобы он знал... Я посижу немного... Может, оно само прекратится? — она устремила умоляющие глаза на Дашу, словно именно от неё зависел счастливый исход событий. — Уже не так сильно болит, честное слово...

— Дура, — ещё раз повторила Даша, — сейчас каждая секунда дорога, неужели ты не понимаешь?! Если это... — её голос невольно дрогнул, — если это преждевременные роды, то нужно успеть в больницу, пока ребёнок ещё жив.

— Роды? — Ленино лицо исказила гримаса панического ужаса. — Но ведь... Всего семь месяцев...

— Вот поэтому и надо поторопиться!

— А-а-а-а, — завывала Лена в голос, — если с ребёнком что-то случится, Олег меня убьёт... Он со мной тут же разведётся... А я так его люблю...

— Не ори, — осадил её Даша, окончательно

взявшая себя в руки, — никто никого не будет убивать. Всё с малышом будет в порядке. Олег тебя тоже очень любит. Не делай резких движений. Нужно, наверное, «скорую» вызвать... Чёрт, телефон разрядился... Посиди пока. Я сейчас вернусь!

Она выскочила из туалета, плохо соображая, что сейчас делать, к кому бежать за помощью. К Олегу?.. А вдруг он тоже запаникует — всё-таки, это его жена и его неродившийся ещё ребенок, бог знает, жив он — или уже нет...

В дверях ресторана она буквально налетела на типа с барсеткой — он уткнулся в свой мобильный. Вероятно, рассматривал фотоколлекцию девушек, которых ему удалось за сегодня «отщёлкать». Выбирать не приходилось, и Даша кинулась к нему.

— Вы не могли бы позвонить в «скорую помощь»?

— Что случилось? — с тревожной готовностью отозвался он (кстати, голос у него был не такой уж и противный — или просто ей некогда было об этом задумываться от страха). Даша вкратце описала ситуацию. Тип на удивление быстро среагировал.

— Тогда уж лучше сразу — в больницу. Пока «скорая» доедет, пока разберутся... Я за рулём, и я не пил. Давайте, я отнесу Елену в машину — ей, наверное, лучше не делать лишних движений...

Впоследствии Даша вспоминала всё, как нарезку из кинокадров: тип с барсеткой, бережно выносящий из дверей туалета невесту в окровавленно-белоснежном платье; побледневший Олег, склонившийся над Леной в машине; суэта гостей, шум в ушах — все звуки различались как сквозь вату. Даша в какой-то оцепенелой оторопи прислонилась к стене, чувствуя, что подгибаются колени, и неожиданно вспомнила про овцу, «шишли-мышли» и сопли. Неуместная улыбка против её воли разлилась по лицу. Она ещё успела заметить недоумённо-осуждающий взгляд кого-то из невестиных родственников... и сползла по стеночке на пол.

Эпилог

— Дашка! Нас выписывают завтра! — орал в трубку ошалевший от счастья Олег. — Ты бы видела, какая у меня дочь! Вот такая вот девчонка! Красавица! Вылитая Леночка!

— Поздравляю, папаша, — засмеялась Даша. — Значит, уже набрали положенный вес?

— Ровно два с половиной килограмма! — подтвердил гордый Олег. — Врач сказал, что всё идёт просто прекрасно, мы вполне можем забрать девочку домой и встречать Новый год.

— Молодцы, очень за вас всех рада... Как Лена себя чувствует?

— Тоже хорошо, передаёт тебе большой привет... Приглашает к нам тридцать первого. Приедешь?

— Ну что ты, Олежка, это же первая новогодняя ночь, когда вы соберётесь всей семьёй... Не хочу быть лишней на вашем торжестве, — благородно отказалась Даша, хотя ещё пару месяцев назад за одну возможность встречать Новый год вместе с Олегом прошла бы пешком через весь город даже при морозе градусов в сорок.

— Лишней?! Да как ты... Да ты что!!! — у Олега даже не нашлось подходящих слов для выражения эмоций. — Да ты нам теперь... самый родной человек!!! Ты же — будущая Настина крёстная!.. Если бы не ты и не Никита... Врач сказал, ещё каких-то полчаса — и мы бы опоздали. Ленку так вовремя в больницу привезли! Всё-таки, роды на этом сроке... — голос его дрогнул. Очевидно, припомнил тот кошмар. Часы одуряющей неизвестности... Паника... Тревожное сообщение, что девочка родилась, но состояние тяжёлое... Затем — кювез, страшные пять дней ожидания — пока миновал кризис, позже — инкубатор, почти два месяца в больнице...

— Я тут ни при чём, — открестилась Даша. —

Это малышка умничка. Она такая сильная, она так хотела жить! Ну, и Никита...

— Какая удача, что он был на машине, — горячо подтвердил Олег. — Водителя-то мы отпустили до ночи. Никита как раз накануне приехал из Питера, то есть, провёл всю ночь за рулём и сам едва держался на ногах от усталости... Но пропустить свадьбу двоюродной сестрёнки он никак не мог.

— Да, всё так удачно сложилось, — улыбнулась Даша. — Просто чудесно... Даже несмотря на то, что я, как дура, упала в обморок от волнения и перепугала и без того паникующих гостей. Но... хорошо, что всё хорошо кончается. Точнее, у вас — только начинается. И я очень счастлива за вашу семью, Олеж.

— Нет, правда, Даш, приезжай к нам, а? — ещё раз попросил Олег.

— Спасибо, мой дорогой, но вынуждена отказаться. У меня уже есть другие планы на Новый год. Но я обязательно навещу вас позже.

— Непременно!.. Знай же, что ты — всегда желанная гостья в нашем доме, в любое время дня и ночи...

— Я знаю. Лену поцелуй. И малышку чмокни от меня в пяточку! Люблю вас всех.

Настроение и так было приподнятым, а после

звонка Олега стало вообще превосходным. Отключив мобильный, Даша, забывшись, сделала глубокий вдох. Морозный воздух обжѐг легкие — она даже задохнулась. Прокашлявшись, подняла повыше воротник шубки, натянула перчатки. Шапку, как всегда, не надела, и значит — на неё снова будут ворчать, с улыбкой подумала она...

Миг — и её вынесло стремительным людским потоком из подземного перехода напрямик на вокзал. Нужный поезд уже стоял у платформы. Даша быстро шла вдоль состава, пытаясь согреться ходьбой. Ничего, успокаивала она себя, в купе выпью горячего чая с лимоном...

Вот и её вагон. Она протянула билет проводнице, улыбнулась:

— С наступающим!..

В купе ещё не было попутчиков. Даша присела на полку, даже не сбросив шубу, снова достала мобильный и, от нетерпения периодически попадая пальцем мимо кнопок, позвонила.

— Никита?.. Я уже выехала, — произнесла она. — Да, на «Стреле». Завтра утром встречай.

ФОТОАЛЬБОМ

Рука пробежалась по массивным корешкам и, секунду помешкав, выудила из ряда альбомов один, в полысевшей бархатной обложке. Все мои

школьные годы втиснулись в пару десятков страниц...

Первое групповое фото с пока ещё незнакомыми одноклассниками. Рассматриваю себя — смешную семилетнюю пигалицу с капроновыми бантами на куцых косичках, затем взгляд начинает перескакивать с одного лица на другое.

Вот тощий и ушастый Сашка Криволапов. Вспоминаю, как однажды на перемене он гипнотизировал глазами мой бутерброд с маслом и сыром. У меня кусок в горло не лез под его алчущим взором. Не выдержав, я отломилась половину и протянула ему:

— Хочешь?

Тот вцепился зубами в хлеб, как дикий волчонок, даже не поблагодарив. Самое обидное, что видевшие сцену одноклассники потом целый год дразнили нас с Криволаповым «тили-тили-тесто». Позже я узнала, что он сын матери-одиночки, которая вкалывает уборщицей в больнице с утра до ночи, и у неё банально не хватает ни сил, ни времени досмотреть за чадом. На родительском собрании в пятом классе наша «классручка» — редкостная дрянь, между прочим, — упрекнула мамашу Криволапова в отсутствии законного супруга. Та психанула и поклялась, что в жизни больше не придет в школу.

Кстати, слово своё сдержала — её не было даже на выпускном. А Криволапов так и остался в моей памяти вечно голодным. С каким трепетом он ждал дежурств в столовой! Школьные поварахи разрешали ему досыта наесться казёнными котлетами, наполовину состоящими из хлеба, с водянистым гороховым пюре или тушёной капустой. Сейчас Криволапов работает шеф-поваром в крутой едальне на Рублёвке. Надо полагать, он абсолютно счастлив...

А вот толстая Танька Тюрина. В школе никто с ней особо не сблизился, лениво поддразнивая «жиртреской» больше для порядка, чем по причине реальной неприязни. Тюрина, кажется, даже не обижалась. Как же она поразила всех на школьном концерте в восьмом классе, когда, облачённая в наряд индийской баядеры, исполнила классический храмовый танец «бхаратанатьям»! Какая у неё оказалась пластика! А какая мимика!.. Вдруг выяснилось, что лишний вес может быть не помехой, а преимуществом. Она стала тогда настоящей звездой вечера...

Впрочем, наш класс в принципе был богат на «звёзд». Я перевожу взгляд на хорошенькое кукольное личико Лизы Дружининой. В одиннадцать лет она умудрилась засветиться в фоторекламе молочной продукции. Дружинину узнавали на улицах и подходили за автографами,

журналисты брали у неё интервью, в магазинах висели рекламные щиты с улыбающейся Лизой, которая держала в руках бутылку кефира, или пакет ряженки, или стаканчик с йогуртом. Мальчишки дрались за право таскать её портфель. Я знала, что Лиза мечтает стать знаменитой актрисой. Однажды к нам в школу приехали киношники, устроили кастинг для съёмок в молодёжном фильме. Те счастливчики, которые прошли отбор, засветились в нескольких массовых сценах. Лиза же была отбракована режиссёром, рекламное прошлое не помогло. Она рыдала затем целую неделю. А потом успокоилась и стала говорить, что невелика заслуга — пройти кастинг на участие в бессловесном эпизоде. Что тех ребят, которые снялись в фильме, на улицах узнавать всё равно не будут, а вот её, Лизу, узнавали и узнают.

Кстати, Лизка и в самом деле стала актрисой. Провалившись на экзаменах во все театральные вузы, она, тем не менее, нашла свою нишу в отечественном телевидении. Дружинину постоянно можно видеть во всевозможных ток-шоу. Её героиня то изображает пресыщенную жизнью богатую дамочку, то перевоплощается в забитую овечку, над которой издеваются коллеги в офисе... Телезрители ей верят. И это самое главное.

А вот кто действительно стал супер-знаменитым, так это Витька Долгих. Его

песни и клипы не сходят с эфиров. В школе, помнится, его любимым уроком была музыка. Я смотрю на испуганного круглоглазого мальчика, похожего на мышонка — кто бы мог подумать, что он превратится в статного красавца, и фанатки на его концертах будут падать в обморок от восторга, если Витька швырнёт свою майку прямо в разгорячённую толпу?..

Я продолжаю листать альбом, вглядываясь в слегка подзабытые лица из прошлого. Учителя... Они всегда казались мне взрослыми и даже старыми, но теперь я понимаю, что кому-то из них тогда было столько же, сколько мне сейчас.

Были среди них злые. Как, к примеру, «классручка» или трудовичка Анна Львовна, она же Груша, прозванная так за нестандартную фигуру. Из-за Груши я на всю жизнь возненавидела шить, даже вид швейной машинки до сих пор вызывает у меня нервные судороги. Стыдно признаться, но под Новый год (кажется, это был седьмой класс) я загадала страшное желание: «Хочу, чтобы Груша сдохла!» Каждый урок труда превращался для меня в пытку. Груша была не очень хорошей швеёй и совсем никудышным педагогом, зато мастерски умела унижать учеников, особенно девочек. Попадало за распущенные волосы, за золотые серёжки в ушах, за красивые глаза... Груша была

одинок и несчастна. Я узнала это уже после окончания школы.

...Были смешные, даже нелепые. Вот учитель химии Николай Степаныч, он же Николя. Я рассматриваю его фото: взъерошенный седой чуб, большой грустный нос, на кончике которого угрожающе болтаются очки, весь вид какой-то чумной, словно он вот-вот сорвётся с места и побежит. Его здорово дразнили мальчишки, но он не замечал насмешек, будучи полностью погруженным в свою науку. Увы, не такое уж частое явление — преподаватель, искренне, но безответно влюблённый в свой предмет. Однажды во время лабораторной по химии Ромка Невзоров нарочно смешал какие-то реактивы, и в кабинете рванул взрыв. Пацаны ржали, а Николя сначала побледнел как мел, потом покраснел, а после, убедившись, что все целы, выдохнул: «Дурачьё...», сморщился, заплакал и вышел из класса. Все потрясённо молчали, и было уже не смешно, а стыдно... Через год химика парализовало, и мы всем классом ходили его навещать. Хмурая неприветливая жена учителя поила нас чаем, и видно было, как ей в тягость и наш визит, и грязная обувь, которой мы запачкали пол в прихожей, и молчащий Николя, который неподвижно лежал на диване и напоминал мумию.

Кстати, тот самый Невзоров, что устроил

взрыв на уроке химии, стал профессиональным боксером и спустя семь лет после окончания школы трагически погиб во время матча...

...Математик был особенным. Я вглядываюсь в улыбочивое открытое лицо на фото, хотя могла бы нарисовать его по памяти даже с закрытыми глазами. Всё в нём казалось необычным и притягательным, даже его белорусское имя — Алесь. В него были влюблены все старшеклассницы. Я страдала по нему целых три года. На выпускном вечере, глотнув шампанского и выждав, пока Алесь перетанцует практически со всеми выпускницами, я подошла к нему и, цепенея от ужаса, выпалила торопливой скороговоркой:

— Алесь Юрьевич, я вас люблю!

Никогда не забуду его глаза в тот момент — беспомощные, растерянные... А потом я, плача навзрыд, бежала сломя голову по пустынным предрассветным улицам...

— Ты ещё не начала одеваться? — в комнату заглядывает обеспокоенный муж. — Что ты делаешь?

Я захлопываю альбом и виновато улыбаюсь.

— Да так... вспоминала школьные годы и немного увлеклась... Думала о своём выпускном.

— А-а-а, это когда ты напилась в стельку и приставала к симпатичным учителям с

признаниями в любви? — шутливо поддевает меня он.

— Я не напивалась!!! Ты же знаешь, как всё было, — притворно возмущаюсь я.

— Знаю, — он усмехается. — Однако рискну тебе напомнить, что сегодня выпускной не у тебя, а у нашей дочери. Она расстроится, если мы опоздаем.

— Скоро буду готова, — обещаю я. — Не волнуйся, Алесь. Мы придём в школу вовремя!

АНГЕЛ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ

...И вот, когда Борис принялся весело щебетать с румяной продавщицей глинтвейна (точнее, глювайна, как называли его в Германии), бисером рассыпая перед ней любезности и словесные реверансы, Лиза испугалась, что сейчас расплечется.

Терпение кончилось вот так, вдруг. Весь день она сдерживала себя, стараясь не выдать истинных эмоций. Они с Борисом уже добрых два часа бродили по рождественскому базару, раскинувшемуся вокруг Старого замка, и Лиза с обречённой покорностью делала вид, что ей ужасно весело.

Праздничная иллюминация озаряла эту

грандиозную ярмарку миллионами огней, а симпатичные деревянные киоски зазывали пёстрым ассортиментом сувениров на любой вкус. Ёлочные украшения, куклы ручной работы, мягкие игрушки, волшебные шары с крошечными фигурками внутри, миниатюрные домики, саксонские кружева, свечи самых причудливых форм — глаза разбегались от этого изобилия!

Борис притормаживал возле каждого прилавка и приценивался ко всякой ерунде. Слушая, как он весело переговаривается с пожилым продавцом магнитиков с видами Штутгарта, Лиза зябко поёжилась и осмелилась высказаться:

— Какой неприятный и грубый язык!

В школе она учила английский, и все эти длиннющие немецкие слова с «шпр», «шт» и «ахт» действовали на неё, как удары молотка по темени.

— Что ты понимаешь! — Борис пренебрежительно махнул рукой. — Да немецкий — один из самых красивых языков в мире, если хочешь. Уж по крайней мере, приятнее на слух, чем жуткий картавый французский, которым почему-то принято восхищаться и называть его языком любви... Но ты послушай, послушай, какая в немецком романтика: их либе дих, майн херц Лизхен!

Лиза выдавила из себя в ответ слабую улыбку.

А жизнь вокруг них буквально была ключом. Отовсюду неслись звуки знаменитых рождественских хитов: «Oh Tannenbaum», «Kling, Glöckchen, Klingelingeling» и «Alle Jahre wieder»... На большом катке резвились ребятишки и их родители, выделявая замысловатые пируэты, чуть ли не балетные па, и заливались счастливым смехом. Малыши с радостным визгом нарезали бесконечные круги на карусели, оседлав блестящих разноцветных лошадок и оленей. Молодёжь вовсю флиртвала, угощая друг друга ароматным рубиновым глювайном и золотистым пуншем в расписных керамических кружках. А какое сумасшедшее благоухание разливалось в вечернем декабрьском воздухе от всевозможных колбасок и стейков на гриле, от тушёной капусты с жареной картошкой, от печёных яблок, каштанов, миндаля, фундука и арахиса, от имбирных и медовых пряников в форме сердечек или человечков, от свежих горячих вафель, политых сиропом!..

— Ты хоть понимаешь, — ликующе воскликнул Борис, стараясь перекрычать музыку и гомон толпы, — что мы с тобой находимся на одной из старейших рождественских ярмарок во всей Европе?! Штуттгартен Вайннахстмаркт существует уже более трёхсот лет!

С этими словами он сунул ей в руки очередное лакомство — грушу на палочке в шоколаде. Готовилось это угощение, именуемое Schoko-Früchte, моментально: клиент выбирал понравившийся фрукт, и его тут же обмакивали в молочный, белый или чёрный шоколад. Лиза приняла сладкий гостинец из рук жениха, из последних сил сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

— Боря... — сказала она тихо. — Вообще-то, я не люблю глазированные фрукты. Я говорила тебе, что с удовольствием съела бы жареную сосиску.

— Да ладно тебе! — беззаботно отмахнулся Борис. — Все девушки обожают сладкое.

Лизе захотелось изо всей силы вогнать злосчастную шоколадную грушу ему в рот, чтобы только палочка торчала наружу.

— Ты посмотри, сколько народу! — Борис продолжал радоваться, как ребёнок. — Вот все говорят: кризис, кризис... А между тем, в городе прорва туристов! Рождественское настроение никто не отменял.

Лиза, наконец, решилась.

— Я ненадолго тебя оставлю... Мне нужно в туалет.

— Я провожу! — мигом подхватился Борис, но это окончательно вывело девушку из себя.

— Послушай, ну пописать-то я могу без

сопровождения, или ты считаешь, что я настолько тупа, что и с этим не справлюсь? — язвительно осведомилась она. Борис растерялся.

— Да нет, я не в этом смысле... Ты же видела, какие очереди возле туалетов — с километр! А вдруг потеряешься?

— Давай встретимся возле главной ёлки, — Лиза устало вздохнула. — Жди меня там, договорились? Постараюсь побыстрее вернуться.

Она всучила слегка растерянному Борису свою грушу на палочке и через пару мгновений уже скрылась в толпе.

Каким же это оказалось кайфом — хоть ненадолго остаться совершенно одной! Посетители ярмарки не в счёт, Лизе не было до них дела. Зато никто теперь не бубнил над ухом, не поучал, не заставлял делать то, чего не хочется...

На самом деле, ей не нужен был туалет. Девушка просто проголодалась.

Не понимая надписей на немецком, Лиза интуитивно устремилась на запах — её влекло к жареным на гриле сосискам и колбаскам. Она так долго мечтала о них, что желудок в предвкушении вкусного предательски всхлипнул.

В киоске хозяйничал улыбчивый белозубый араб. При виде Лизы он радостно залопотал что-то по-немецки.

— Извините, я... — выдавила она, растерявшись. — Ай донт шпрехен зи дойч.

— Ноу проблем! — с готовностью закивал продавец. — Ю кен спикь инглищ, ай андерстэнд!

Лиза с удовольствием заказала себе баварскую колбаску с паприкой и сладкой горчицей и полезла за кошельком. Вдруг над её плечом простёрлась чужая рука и торопливо протянула арабу несколько евро. Краем глаза Лиза ухватила нечто белоснежное, как сугроб. Неизвестный сказал продавцу что-то по-немецки, тот радостно осклабился, принял деньги и подал Лизе вожделенную колбаску.

— Вот, возьмите, — она попыталась было всучить торговцу плату за товар, но тот отчаянно замотал головой, как флюгер.

— За вас уже заплатил этот мужчина!

Лиза округлила глаза и обернулась. За её спиной стоял молодой человек престранного вида. Вероятно, он был ряженым — во всяком случае, его карнавальный костюм явно обозначал ангела. Над головой незнакомца колыхался нимб, обклеенный золотистой фольгой и держащийся на тонкой проволочке, за спиной шелестели и трепетали два больших белых крыла из картона, а сам парень был одет в просторный длинный балахон, напоминающий ночную рубашку. Лицо «ангела» было открытым и симпатичным: ясные голубые

глаза с длинными, как у девочки, загнутыми ресницами, трогательная ямочка на подбородке... А вот какой у него цвет волос, Лизе разглядеть не удалось: естественная шевелюра молодого человека была скрыта под париком из блестящего новогоднего дождика.

— Зачем вы это сделали? — сурово спросила Лиза по-английски. — У меня есть деньги. Немедленно возьмите! — она попыталась отдать ему свои евро, но тот, безмятежно улыбаясь, спрятал руки за спину.

— Ну что вы, право, доставьте мне такое удовольствие, — отозвался парень на чистейшем русском языке.

— А почему это я должна доставлять вам удовольствие? — возмутилась Лиза. — Не хочу быть никому обязанной...

— Вас это ни к чему и не обязывает, — он обезоруживающе развёл руками. — А тем временем, пока вы сердитесь и ворчите, ваша вкуснейшая колбаска может остыть... Вон там, кажется, был свободный столик!

И, не успела Лиза опомниться, как он уже легко взял её под локоток и подвёл к круглому пластиковому столу.

— Приятного аппетита! — пожелал он.

— Спасибо... — буркнула Лиза и, пересилив себя, послала ему слабую ответную улыбку. Она,

конечно, не просила ни о чём, но ведь надо было элементарно поблагодарить человека за проявленную любезность.

О, что это была за колбаска! Нежная, поджаристая, душистая, брызжущая обжигающим соком и отдающая дымком! После первого же кусочка Лиза подобрела и оттаяла.

— Восхитительно, — промычала она с полным ртом, обращаясь к незнакомцу, который ещё не ушёл. — Спасибо вам, очень вкусно! Хотите, я угощу вас глювайном?

— Только если безалкогольным, — улыбнулся тот. — Видите ли, я не пью.

— Договорились!

Покончив с едой, Лиза вытерла руки и рот бумажной салфеткой, а затем кивнула молодому человеку:

— Ну что, пойдёмте?

Ей сделалось весело — так же, как в детстве, когда она торопила приближение Нового года и предвкушала множество подарков под ёлочкой. Ей даже на секунду показалось, что вот-вот произойдёт какое-нибудь чудо... Настоящее рождественское чудо. О том, что её ждёт Борис, Лиза старалась вовсе не думать. Подождёт, никуда не денется.

Через несколько минут они уже стояли с

кружками безалкогольного детского гливайна и доверчиво улыбались друг другу.

— Вы здесь живёте? — грея руки о горячую кружку, поинтересовалась она.

— Нет, просто бываю время от времени... А вы? Это ваш первый визит в Германию, Лизонька?

Она округлила глаза.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Вы же сами говорили.

— Нет, не говорила! — возразила она.

— Говорили-говорили. Наверное, у вас это просто из головы вылетело.

— Ммм... ну ладно. А вас как зовут?

— Ну, можете звать меня Ангел.

Она прыснула от неожиданности прямо в свою кружку.

— Это что, шутка такая?

— Нет. Я правда Ангел, — невозмутимо отозвался он.

Лизе вспомнилось выражение из какой-то прочитанной книги: глаза у него были честные, как у лжесвидетеля. Но незнакомец и впрямь смотрел на неё прямо, без тени усмешки, и взгляд его был полон самой трогательной искренности.

— Вот только не надо мне сейчас изображать Артура Смольянинова в фильме «Мой парень — ангел», — фыркнула Лиза. — На меня эти штучки не действуют.

— А какие действуют? — серьёзно спросил он. — Подскажите.

Лиза растерялась.

— Да что вы хотите от меня? Только честно...

— Если честно, то хочу немного: чтобы молодая, умная и красивая девушка перестала жить чужой жизнью.

— Что вы имеете в виду? — опешила она, глядя на него во все глаза. Его губы дрогнули в едва уловимой усмешке:

— Вы знаете, что.

— Хорошо, — Лиза в сильнейшем волнении накручивала на палец свой длинный локон, — что вам известно обо мне? Вы экстрасенс?

— Если вам так удобнее, можете звать меня экстрасенсом. Что я вижу, глядя на вас? Могу рассказать, только, пожалуйста, не пугайтесь и не вздумайте вопить от шока.

Лиза послушно затихла.

— Итак, вы приехали в Штутгарт с женихом. Он — успешный бизнесмен, лет на десять старше вас, слегка лысоват, полноват, добр и весьма положителен — одним словом, вас от него трясёт.

— Вы, наверное, просто видели нас вместе?.. — неуверенно пробормотала она. — Боря, он... сын бывшей маминой одноклассницы. Это нас мамы сосватали. Они спят и видят, что мы поженимся. Мать Бори обеспокоена тем, что у

сыночка в его возрасте ещё ни разу не было серьёзного романа. А она мечтает о внуках... Про мою маму и говорить нечего, она грезит о таком зяте — ещё бы, один из самых завидных холостяков Москвы...

— Вы его не любите, — подытожил Ангел решительно.

— Не люблю, — Лиза пожала плечами. — Но мама ужасно расстроится, если я в этом признаюсь. Да и с Борисом я не могу так поступить. Он всегда был очень добр ко мне, и вообще...

— И вообще, — перебил он, — вам привычна эта модель поведения, поскольку вы с самого детства идёте на поводу чужих желаний, подавляя свои собственные.

— Да... — она задумалась на мгновение, а потом решительно тряхнула головой. — Пожалуй, вы правы. Мама хотела, чтобы я занималась музыкой и определила меня в музыкалку на фортепиано, хотя я мечтала о художественной школе. Я собиралась поступать в институт культуры — мама уговорила идти в более престижный экономический вуз. На первом курсе я начала было встречаться с отличным парнем, но маме он не нравился — простой студент, к тому же ещё и не москвич... И она быстренько организовала мне перспективного Бориса.

— Который, как и ваша мама, продолжил

решать всё за вас, — подхватил Ангел. — Признайтесь, вы же мечтали о встрече нового года в Гоа? А Борис предпочёл Германию. Вы хотели персидского котёнка, а жених купил вам лысого сфинкса, да ещё и отругал вас за мещанское пристрастие к пушистым котам. Он диктует вам каждый дальнейший шаг, планирует за вас все жизненные цели, подспудно внушая уверенность, что без него до заветного финиша вы просто не доберётесь.

— Вы правы, — горько подтвердила Лиза. — Чёрт возьми, как же вы правы!!! Ой, — смутилась она, — простите, что я чертыхаюсь.

Её собеседник громко, от души расхохотался:
— Да ничего, как-нибудь переживу.

Однако Лизе было не до смеха.

— Понимаете, доходит до того, что он диктует мне, что надеть, — призналась она в сильнейшем смущении. — Впрочем, зачем я вам это рассказываю... Судя по всему, вы и сами всё знаете. Ума не приложу, откуда вы свалились на мою голову.

Ангел осторожно накрыл её ладонь своей горячей рукой.

— Лизонька, послушайте. Важно не то, что и откуда я про вас знаю, а то, что вы и сами про себя всё это знаете. Не думайте о мелочах, сосредоточьтесь на главном. Нужно всё менять.

Сделайте первый шаг и поймёте, как это легко!

— Первый шаг? То есть, — колеблясь, уточнила Лиза, — я должна бросить Бориса?

— Вот именно. Не лишайте ни его, ни себя шанса встретить свою реальную половинку. И чем раньше вы это сделаете, тем лучше. Можно даже просто сбежать — поверьте, чем экстравагантнее и неожиданнее будет ваш поступок, тем скорее пойдёт процесс излечения.

Лиза с силой сжала виски пальцами, словно решая сверхсложную задачу.

— Не тревожьтесь о Борисе. Не заботьтесь о том, что скажет мама. Хоть раз в жизни подумайте, прежде всего, о себе, — мягко, но настойчиво внушал ей этот странный человек.

— Хотите, скажу честно? — произнесла она с отчаянной решимостью. — На самом деле, я готова бросить его прямо сейчас. Правда готова.

— Но?..

— У меня просто нет денег. Ни на самый захудалый отель, ни на обратный билет, — покраснев от стыда, призналась она.

— А если бы деньги были?

— Да хоть сию минуту улетела бы, — она безнадёжно махнула рукой. — Надоело зависеть от него, позволять контролировать каждый свой шаг, подчиняться его правилам... чего смешного? — осеклась она, сообразив, что Ангел смотрит на неё

и широко улыбается. «Может, он просто псих? — промелькнула у неё в голове запоздалая трусливая мыслишка. — А я-то тут откровенничаю, разливаюсь соловьём...»

— У меня для вас сюрприз. Только снова прошу — не удивляйтесь и не орите. Опа! — он сделал какое-то неуловимое движение, и в руке его материализовался продолговатый конверт.

— Что это? — спросила она в замешательстве.

— Билет до Москвы на ваше имя. Рейс через четыре часа. Но можно не торопиться — онлайн регистрация уже пройдена, вот ваш посадочный талон.

— Не может быть... — потрясённо отозвалась она и выхватила документы у него из рук. Они действительно были оформлены на неё по всем правилам.

— Кто ты? — Лиза уставилась на незнакомца округлившимися глазами, незаметно для самой себя переходя на «ты». — Зачем ты это делаешь?

Он легонько прикоснулся ладонью к её волнистым волосам, выбивающимся из-под вязаной шапочки.

— Иди и живи своим умом, Лиза. Только своим, запомни!

Её глаза наполнились слезами.

— Я... правда не знаю...

Он наклонился и прикоснулся к её щеке.

Поцелуй был вовсе не бесплотным, ангельским, а вполне себе человеческим. Губы его оказались мягкими и тёплыми, и пахло от них мёдом, имбирём и вишней...

Подкравшись к Андрею со спины, Борис с озорной ухмылкой хлопнул друга по плечу. Тот вздрогнул и обернулся.

— Ну что? — весело осклабившись, поинтересовался Борис. — Птичка упорхнула?

— Надеюсь, что так. Я вызвал ей такси до аэропорта, — отозвался Андрей. Он устало потянулся, а затем решительно, с явным удовольствием стащил с головы блестящий парик и нимб, после чего парой движений избавился от долгополого белоснежного балахона с крыльями. Спустя несколько мгновений он уже перевоплотился в стильно одетого, симпатичного и респектабельного молодого мужчину — известного московского психотерапевта, клиентуру которого составляли знаменитые политики, бизнесмены и звёзды шоу-бизнеса.

— Спасибо тебе, Андрюха, — произнёс Борис с чувством. — Даже не знаю, что бы я без тебя делал! Аванс перевёл, как договорились, а остаток гонорара получишь завтра. Ну, понимаешь... когда я буду точно уверен, что Лиза в Москве.

— Не вопрос, — рассеянно кивнул Андрей,

искусно подавив зевок.

— Ты уж извини, дружище, — покаялся Борис в некотором смущении, — что я тебя в этот Штутгарт выдернул.

— Да брось ты! Ну, подумашь — обычный выезд на работу за рубеж. Я даже развлёкся. В России, согласишься, Рождество празднуют не с таким великолепным размахом, как в Европе... У меня только один вопрос.

— Какой?

Андрей засмеялся и шутливо ткнул своего собеседника кулаком в плечо.

— А попроще ничего нельзя было придумать? Обязательно надо было тащить нас с Лизой в Германию, рядить меня в этот идиотский наряд, придумывать глупейшую историю с ангелом? Ну, просто записал бы её ко мне на приём...

Борис смутился, как мальчишка.

— Да ты понимаешь... В фейсбуке пару лет назад гулял рассказ про женщину, которую после смерти отказались принять на небе, потому что она прожила чужую жизнь. Мне понравилась эта идея, и я решил на ней сыграть. Показалось, что так будет эффектнее. Захотелось сказки!

Андрей изумлённо присвистнул.

— Да ты романтик, Борюся!

— Не смейся, — притворно потупился тот. — К тому же, ты в этом костюме ангела такой секси!

Они хором загоготали, а потом Борис вновь стал серьёзным.

— Мне просто было очень жалко Лизу, понимаешь? Она старалась быть для всех хорошей: для мамы, для меня, для учителей, и совсем разучилась радоваться и мечтать о чём-то для себя. Мне иной раз хотелось взять её за плечи и хорошенько потрясти: ну, разозлился ты на меня хоть раз! Выскажи прямо, что обо мне думаешь! Не терпи, сжав зубы! Будь собой!.. Я даже нарочно постоянно её провоцировал. Но ты сам видишь, — он виновато развёл руками, — без твоей помощи, как оказалось, нам не обойтись.

Андрей ободряюще похлопал его по спине.

— Ну, я рад, Борька, что смог быть полезен вам обоим. А сейчас... — он снова подавил непрошенный зевок. — Ты прости, но у меня рано утром самолёт. Хочу вернуться в гостиницу и хорошенько выспаться. Ко мне завтра на приём записался... — он понизил голос и назвал известную всему миру фамилию.

— Конечно-конечно, — он понятливо закивал. — Ещё раз огромное тебе спасибо! Леночке и детям привет.

Оставшись один, Борис купил медовый пунш и кулёк орешков. Рождественская ярмарка была в самом разгаре. То тут, то там раздавались взрывы

беззаботного счастливого смеха. Из ближайшего торгового домика неслись звуки знаменитой песни.

Kling, Glöckchen, Klingelingeling!
Звони, колокольчик, динь-динь-динь!
Свечи ярко мерцают,
Откройте же ваши сердца...

Покосившись на часы, Борис улыбнулся своим мыслям, одним залпом осушил кружку с пуншем и достал мобильный телефон.

— Гюнтер, привет, — сказал он по-немецки. — Да, я свободен. Уже еду. До встречи, дорогой!

МИЛОЙ, ЛЮБИМОЙ, ЕДИНСТВЕННОЙ...

10

Я изнываю в ожидании гостей и подарков. Мама с бабушкой хлопчут у стола, добавляя последние штрихи — корзинку винограда, графин с вишнёвым компотом, салфетки... Наполеон вальяжно развалил на блюде округлые слоистые бока с масляными прожилками заварного крема.

Наконец, раздаётся трель дверного звонка.

Я ликую: мне подарили металлофон, здоровскую бумажную куклу с кучей одежек и электронную игру «Ну, погоди!», которой я грезила целый год. Но самый лучший подарок — это комплект пластинок «Приключения Петрова и Васечкина» от подружки Маринки! Я влюблена в Егора Дружинина, и одна лишь Маринка верит в то, что я уеду в Москву и непременно выйду за него замуж.

Обожаю Маринку! Она помогает избежать неловкой ситуации, когда бабушка со слезой в голосе начинает читать стихи собственного сочинения, посвящённые моему рождению. Стихи ужасны, но все привычно делают вид, что хорошие. Меня же разбирает предательский смех. Я боюсь, что расхохочусь в голос и смертельно обижу бабулю, но Маринка вовремя даёт мне под столом пребольного тычка в коленку.

15

Предки поклялись свалить на весь вечер. У меня большие планы: я позвала Диму. На мне отпадное платье от Люси-челночницы и мамины бусы, губы впервые тронуты помадой, и я умираю от страха.

Приглашать Маринку я не стала. Решила, если спросит, буду ли отмечать — то позову. Слукавила

сама перед собою, Маринка никогда не навязывается и тем более не явится неожиданным гостем. Это мой первый день рождения без лучшей подруги. Стыдно до ужаса, но... я плоская как доска, с куцей косичкой, а у неё пышный бюст и золотые локоны. Дима должен смотреть лишь на меня!

Вечер проходит как-то скомканно. Перед тем, как попрощаться, Дима смущённо мнётся.

— Можно кое-что спросить?

Моё сердце делает радостный кульбит.

— Помнишь, на классное чаепитие ты приносила орешки со сгущёнкой? — говорит он с глупой улыбкой. Я молчу, не понимая.

— А чё сегодня их не испекла? Я, можно сказать, ради орешков и пришёл! — этот идиот смеётся собственной шутке.

Моё сердце разбито.

20

У меня настоящий, головокружительный, студенческий роман. Мы бродим по Москве до темноты, обжимаемся на скамейке в парке и на эскалаторе метро. Он нищ, как все иногородцы, и не может привести меня в общагу — уже поздно. Я живу у тёти, и она явно не обрадуется, если я притащу парня домой. Мы изнываем от

неутолённой страсти и целуемся на прощание так, что опухают губы.

Меня распирают эмоции. Уношу телефон к себе в комнату, чтобы не разбудить тётю, и набираю номер Маринки. Она осталась в родном городке у моря, у неё муж и грудные двойняшки. Подруга отвечает испуганным голосом. Второй час ночи, но мне нужно выговориться! Я торопливо бубню в трубку, какой он классный и замечательный, какие у него глаза, а руки, и губы!.. Выслушивая мои восторги, она украдкой давит зевок.

— Ты что, спишь? — поражаюсь я.

— Извини, у малышей колики, я которую ночь без сна... — виновато бормочет она. Я сухо прощаюсь и кладу трубку, давая понять, что обижена. Разве подруги так поступают?

30

Муж собрал вещи и ушёл, бросив меня в пучине послеродовой депрессии. Офигенный подарок!

Пока я рыдаю с дочуркой на руках, в квартиру ураганом врывается Маринка.

— Встряхнись! — кричит она и бухает кастрюлю на плиту. Вода закипает, и в неё летит полпачки пельменей, а на сковородке начинают

шкворчать котлеты. Пытаюсь сказать, что мне тошно при мысли о еде, хочу голодать и страдать, но от съедобных ароматов желудок алчно взрывает.

— Прекрати себя жалеть, — велит Маринка, выключает газ и пихает мне в рот огромный пельмень со сметаной. Я обжигаясь, икаю и жую, а по щекам катятся слёзы.

— Вытри сопли! — продолжает командовать подруга. — Ты красавица и умница, к чёрту этого алкаша! Между прочим, у меня имеется для тебя работёнка.

Я таращу глаза в недоумении.

— Испечёшь торт к юбилею моей начальницы, — приказывает она, — ты же умеешь. У вас дома всегда были потрясающие торты. Кстати, с днём рождения! — она суёт мне в руки подарок — формы для выпечки.

Дочка накормлена смесью и сладко спит, закинув кулачки вверх. Я лезу на антресоли и нахожу бабушкину книгу рецептов. На голову Маринке сваливается мой детский горшок. Мы ржём, зажимая рты, чтобы не разбудить малютку.

40

Сегодня день рождения Маринки.

Мы сидим в моей кондитерской и смотрим в

окно на яхты, на прогуливающихся по набережной людей... Маринка выглядит потерянной и осунувшейся. Месяц назад умер от рака её муж. Я пытаюсь взбодрить подругу, вернуть вкус к жизни. Напоминаю ей, что скоро вернутся мальчики — они сейчас служат в морфлоте.

— Поехали ко мне, — предлагает Маринка. — Хочу выпиться. Не просто выпить по бокалу вина, а уйти в отрыв, как в юности.

В этот миг на эстраде появляется её любимый певец N. Глаза Маринки вылезают из орбит: он здесь?! Знала бы подруга, скольких трудов мне стоило заполучить его к себе в кафетерий! Благо, он как раз гастролировал по югу, хватило денег оплатить его проезд. N вручает Маринке букет роз и поёт трогательную песню о дружбе, а затем приглашает её танцевать. Душка! Отрабатывает гонорар, конечно, но очень галантно. Маринка прибалдела, похорошела и раскраснелась. Ей не сорок сейчас, а восемнадцать! Напоследок певец делает селфи с Маринкой на её же телефон.

— Спасибо... — шепчет любимая подруга благодарно, уткнувшись носом в моё плечо.

...Говорят, женской дружбы не существует. Просто у них никогда не было моей Маринки!

ИЗМЕНА

Больше всего меня убило, что это произошло у всех на глазах. Нагло, откровенно, беззастенчиво... жестоко.

Ещё вчера мы с ним были парой. Он с горящими глазами говорил о нашей будущей свадьбе, о детях, которые когда-нибудь появятся. Мы мечтали, что их у нас будет двое — мальчик и девочка, а ещё нужно обязательно завести собаку. Мы будем жить в маленьком уютном домике на берегу моря — долго и счастливо, как в сказке.

Он трогательно кормил меня шоколадом и яблоками с ладони, а я заливалась влюблённым смехом, краем глаза ловя взгляды подружек, полные лютой зависти...

Теперь же всё перевернулось с ног на голову. Завистливые взгляды сменились на злорадствующие, реже — сочувствующие, а сам он виновато отводил глаза. Когда я потребовала объяснений, его хватило лишь на то, чтобы смущённо промямлить:

— Ну что ты, сама не видишь, что ли? Я теперь с ней.

И ведь главное, с кем — «с ней»?! С этой дурой Наташкой, которая слово «корова» не может без ошибок написать! Подумаешь — красавица, золотые волосы. Самое невыносимое, что эта

мерзавка смотрела на меня высокомерно, как какая-нибудь принцесса — на служанку, ещё и процедила сквозь зубы презрительно:

— Не надо за ним бегать, липучка, он не хочет тебя видеть!

Ну почему он так со мной поступил, почему-у-у?!!

Скрывшись от глаз любопытных свидетелей, я осталась в полном одиночестве и вдоволь наревелась, пока нос не распух и не покраснел, как у деда Мороза. Вот возьму и умру сейчас прямо здесь, мстительно подумала я. Тогда он у меня попляшет. Тогда он раскается в содеянном, но будет уже слишком поздно. Я буду лежать в гробу, такая красивая — в белом платье, как у невесты, с распущенными волосами, которые хоть и не золотистые, зато куда длиннее и гуще, чем у Наташки с её жидкой крысиной косичкой! Он будет рыдать, кидаться на гроб и может быть, даже застрелится от отчаяния, но даже после этого я его не прощу. Пусть идёт и целуется со своей златовлаской!..

Я так замечталась, что не сразу услышала голоса. Спohватившись, сообразила, что меня громко зовут по имени. Я подтянула колени к подбородку, съёжилась и оцепенела, мечтая остаться незамеченной, сгинуть навеки —

настолько заманчивыми казались картинки, нарисованные моим воображением, и мне не хотелось прерывать эти горько-сладкие грёзы.

— Вот ты где! — воспитательница раздвинула ветки кустарника и посмотрела на меня сверху вниз. — А мы тебя обыскалась. Поднимайся скорей, за тобой пришли.

Я нехотя встала и отряхнула платье от налипших на него сухих травинок.

— Как дела? — спросила мама, наклоняясь и целуя меня в макушку. Я отвела взгляд. Ещё не хватало посвящать её в подробности своей личной жизни, я взрослый самостоятельный человек!

— Нормально...

— Ну, пойдём быстрее домой. Бабушка твоих любимых пирожков напекла.

— С вишней? — я подпрыгнула на месте и зажмурилась от восторга. — Ура!

Я взяла её за руку и, абсолютно счастливая, зашагала домой.

СЛУЧАЙНОСТЬ ПО СЦЕНАРИЮ

— Я всего лишь прошу помочь... в конце концов, друг ты мне или кто? — умоляюще произнёс Лёшка. Вадик поморщился, отчего очки на его носу смешно встали торчком.

— Друг, конечно. Но всё равно мне это как-то... поперёк горла. Может, просто подойдёшь к ней и познакомишься, как все нормальные люди?

Лёшка взглянул на него с мистическим ужасом.

— Обалдел? Вдруг она вообще откажется со мной разговаривать? Нельзя полагаться на «авось», мне надо, чтоб всё наверняка, с гарантией!

— И ты думаешь, она клюнет на твою банальщину? — скептически ухмыльнулся Вадик. — Уличный хулиган пристаёт к одинокой беззащитной девушке, вдруг откуда ни возьмись появляется прекрасный рыцарь, который спасает её... И она тут же благодарно падает к ногам своего спасителя, не забыв при этом втрескаться в него по уши. Это пошло и плоско, понимаешь! — он раздражённо махнул рукой. Вадик вообще остро чувствовал фальшь, поскольку учился во ВГИКе на режиссёрском факультете.

— Мы же не фильм снимаем, — Лёшка ободряюще похлопал его по плечу. — Относись к этому проще. Если дело выгорит, с меня коньяк. А оно выгорит, я чувствую... Короче, завтра в девять вечера в условленном месте.

— А она наверняка там пойдёт? — уточнил Вадим.

— Обижаешь, начальник. Я за ней уже полтора месяца слежу, весь маршрут выучил

назубок — ночью разбуди, расскажу, где она бывает и во сколько.

— Ну что ж, договорились, — вздохнул Вадик. — С богом...

Следующим вечером Лёшка сидел на лавочке в сквере и гипнотизировал взглядом дорожку: вскоре на ней должна была появиться девушка, которая безумно нравилась ему вот уже второй месяц подряд. Похоже, он и в самом деле втюрился. Он нервничал, хотя всё было продумано до мелочей. Вадик не подкачает, он самый лучший друг. Он должен быть уже в засаде...

В конце аллеи застучали каблучки — кажется, он дождался своего звёздного часа. Лёшка весь подобрался, готовясь разыгрывать роль спасителя. Внезапно перед ним вырос, как из-под земли, здоровенный широкоплечий бугай, и некстати поинтересовался:

— Закурить не найдётся?

«Принесла тебя нелёгкая!» — выругался про себя Лёшка и нервно ответил:

— Не курю.

Однако вместо того, чтобы тут же исчезнуть, парень, явно расположенный к обстоятельному долговому разговору, недобро прищурился:

— А чего так невежливо?